

Г р э м
Р о б б

ПАРИЖАНЕ

ИСТОРИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЙ В ПАРИЖЕ

Parisians

NEW YORK TIMES BESTSELLER

Грэм Робб — автор знаменитой книги «Открытие Франции». Написанные им биографии Бальзака, Виктора Гюго и Рембо получили широкое признание критики и объявлены New York Times лучшими книгами года.

Грэм Робб

**Парижане. История
приключений в Париже.**

«Центрполиграф»

2012

Робб Г.

Парижане. История приключений в Париже. / Г. Робб —
«Центрполиграф», 2012

Удостоенный наград биограф, историк, страстный франкофил и талантливый рассказчик, Г. Робб приглашает читателя в познавательное путешествие сквозь века парижской истории, начиная с 1750 года и до наших дней. Книга представляет собой серию увлекательных новелл, основанных на реальных событиях из жизни самых разных жителей французской столицы — знаменитостей с мировым именем и людей совсем неизвестных: прелюбодеев, полицейских, убийц, проституток, революционеров, поэтов, солдат, шпионов. Фоном и главным действующим лицом в них является Париж — прославленный город, который автор показывает в непривычных ракурсах, чтобы читатель увидел его по-новому и открыл для себя заново.

© Робб Г., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Отзывы о книге	5
Отъезд	8
Ночь в Пале-Ролле	11
Человек, который спас Париж	19
1	19
2	21
3	24
4	26
5	29
Заблудившиеся	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Робб Грэм

Парижане. История приключений в Париже

Отзывы о книге

*Посвящаю своим родителям, Гордону Джеймсу Роббу (1921–2000)
и Джойс Робб, урожденной Голл*

Уникальная книга, читая которую испытываешь наслаждение. Это туристический путеводитель и исторические хроники под одной обложкой.
Джей Фриман, Booklist

Опытный гид и обаятельный спутник, Робб приглашает нас на познавательную и увлекательную прогулку сквозь века... Робб знает Париж как никто.
Алан Кейт, Cleveland, com

Душа Парижа – это его истории. Робб рассказывает их по-своему, блистательно.
Christian Science Monitor

Робб пишет легко, искренне, с неповторимым чувством юмора.
Дуайт Гарнер, New York Times

Грэм Робб возвращает Франции и французам волшебное обаяние. Благодаря его выдающемуся дару рассказчика и познаниям в истории «Парижане» – это кладезь чудесных новелл об известных людях в реальных декорациях.
Кристофер Лайдон

Удостоенный наград биограф, историк и страстный франкофил, Грэм Робб дарит нам очаровательно живой, потрясающе выписанный, запечатленный в мгновениях портрет сказочного города.
Саки Говард, Bookpage.com

Пестрые хроники Города Света, составленные Роббом, – это не история народа и не история королей. Это многоцветная картина, созданная воображением жителей столицы и ее визитеров, в которой смешались все: Пруст и Помпиду, Гитлер и Наполеон, архитекторы и представители богемы, алхимики и проститутки.
Books Briefly Noted, The New Yorker

Используя приемы беллетристики, Робб создает из реальных персонажей художественные образы – и все ради удовольствия размышлять о Париже. Это удовольствие он дарит читателю... На восхитительной картине Парижа,

написанной им, запечатлены живые лица прошлого, настоящего и даже будущего.

Бренда Уайнэнпл, New York Times Book Review

Увлекательнее, чем у Эдуарда Моргана Форстера.

Джозеффри Нюрнберг, San Francisco Chronicle

«Парижане» Грэма Робба – карнавальная сага. И если вам случится читать ее в апреле, то на память обязательно придет старая песня Телониуса Монка. Ее слова «очарование весны» обретут истинный смысл.

Дэвид О'Нилл, Bookforum

Робб называет свою последнюю работу «приключенческой историей», и неспроста. Он не традиционный биограф. Он приглашает читателя в головокружительное путешествие по четырем векам парижской истории, потому что, будучи прекрасным историком, является также чертовски талантливым рассказчиком. «Парижане» написаны живым языком, и в то же время это кропотливая исследовательская работа. Робб не просто настоящий историк, он энтузиаст своего дела.

Book of the Week, Daily Mail

Робб пишет чудесно. У него дар новеллиста перевоплощаться в своих персонажей... Удивительно занимательная книга.

Scotsman

В Грэме Роббе многое от архитектора. Он создает масштабные, объемные работы, но в то же время уделяет большое внимание деталям... «Парижане» поражают точностью языка, вдохновенным замыслом и его реализацией... это ценное пополнение в каталоге писателя, которого можно назвать самым оригинальным и успешным автором литературы нон-фикшн его поколения.

Sunday Herald

Интересно и увлекательно... Робб воображает, описывает и расцветчивает чудесные парижские виньетки.

Financial Times

После огромного успеха своей предыдущей книги «Открытие Франции» Робб возвращается в столицу и показывает нам, что Эйфелева башня, Лувр, парижские кафе и Монмартр – это всего лишь декорации для странных, разрозненных, окутанных атмосферой тайны и магии фрагментов истории. В каждой главе есть свой сюрприз. Это яркая, написанная богатым языком, затягивающая с головой, искренняя и познавательная книга... Я всегда считал, что хорошо знаю Париж, но Грэм Робб заставил меня с ужасом осознать, что я едва ли понимал, каков он на самом деле.

Руперт Кристиансен, Book of the Week, Sunday Telegraph

Настоящая сокровищница парижских историй... Никогда прежде Париж не был настолько пленительным.

Psychologies

Как и несметное число его предшественников, Грэм Робб начинает свою книгу с констатации печального факта – бурная история Парижа настолько богата и насыщена, что полностью описать ее не представляется возможным. Надо отдать ему должное, он и не пытается это сделать. С присущей ему изобретательностью, продемонстрированной в его предыдущих книгах о Франции (особенно стоит отметить недавний бестселлер «Открытие Франции»), он решает рассказать историю этого города с 1750 года до наших дней через серию рассказов, основанных на реальных событиях из жизни самых разных людей – прелюбодеев, полицейских, убийц, проституток, революционеров, поэтов, солдат и шпионов. Его цель – показать лицо города... Главный трюк, который удастся провернуть Роббу, – это сделать знакомый нам город настолько непривычным во всех отношениях, что мы открываем его для себя заново. И в этом плане он отлично справляется с задачей – подарить себе и читателю обновленное «удовольствие размышлений о Париже».

Observer

Робба отличает прекрасный литературный стиль – сказочно волшебный.

Daily Express

Если наслаждение историей сродни для вас обнаружению крошечного ресторанчика только для своих, то рассказы о том, что фосфор открыл алхимик-любитель, искавший философский камень в собственной моче, что Мюрже шпионил для Толстого и что под Нотр-Дамом скрыты языческие алтари, придутся вам по вкусу.

Evening Standard

Отъезд

К тому времени, когда я попал в Париж, Бастилия уже перестала существовать. На карте, предоставленной туристическим агентством, фигурировала «площадь Бастилии» в восточной части города, но, когда я вышел из метро на станции под названием «Бастилия», то не увидел ничего, кроме уродливой зеленой колонны. Не осталось даже следа развалин. На основании колонны стояла дата, написанная жухлыми золотыми буквами: «июль 1830 г.», и имелась надпись, восхваляющая граждан, отдавших свою жизнь ради защиты «общественных свобод». Французская революция, как мне было известно, произошла в 1789 г. Очевидно, это была какая-то другая революция. Но если король и аристократы попали на гильотину, то кто же так жестоко расправился с защитниками свободы в 1830 г.? Памятник не давал никакого ответа. Потом один мальчик постарше рассказал мне в школе о другой революции.

На мой день рождения родители подарили мне недельную поездку в Париж. Туристический пакет включал проживание в комнате в небольшом отеле неподалеку от Эколь милитер, некоторую информацию о памятниках и дешевых ресторанах, билет на теплоходную прогулку по Сене и купон на бесплатный подарок в Галери Лафайет. В моем чемодане лежало слишком много одежды, кое-какая еда в дорогу и потрепанный томик трудов Шарля Бодлера. Он был моим проводником ко всем тайнам и не поддающимся определению переживаниям, которые заполняли пространство между знаменитыми достопримечательностями. Я прочитал «Табло паризьен» и главу «Героизм современной жизни»: «Парижская жизнь неожиданно открывает удивительные поэтические вещи — чудо окружает нас, мы вдыхаем его, как воздух, но не видим его». Разбирая написанное Бодлером в кафе неподалеку от башни Сен-Жак, я был абсолютно уверен, что увижу его; а дождь за окном размывал лица людей на улице и растворял камни готических построек в тумане.

В течение той недели я сделал и другие интересные открытия. Я нашел небольшой дом на другом берегу реки напротив Эйфелевой башни, в котором Бальзак скрывался от своих кредиторов, чтобы написать «Человеческую комедию». Я поднялся к белому куполу базилики Сакре-Кёр и обнаружил провинциальную деревню, полную кипящих жизнью кафешек и художников, подделывающих одни и те же картины. Я часами ходил по Лувру, забыв о еде и почти ни о чем не помня. Я нашел мощеные средневековые улочки и продуманные граффити, которые, казалось, были написаны высокообразованными людьми с серьезными политическими взглядами. Я проходил мимо безногих и безруких нищих в метро, а в кварталах, о которых не упо-

минается в карманном путеводителе по Парижу, я видел женщин того сорта, который описан в «Табло паризьен».

В первый день, попытавшись заговорить на языке, который я считал французским, я решил, что наилучшие впечатления от Парижа можно получить путем молчаливого созерцания. Оказалось, что из одного конца города в другой можно пройти пешком за полдня, и я проделывал это несколько раз, пока не начал планировать свой день, отмечая номера автобусных маршрутов. К концу недели маршруты 27, 38 и 92, а также большая часть других маршрутов, по которым ходили автобусы с открытыми задними площадками, были для меня уже старыми знакомыми. Я оставил прогулку на теплоходе на последний день и часть ее проспал. Когда я сел в автобус, отправлявшийся в аэропорт, у Дома инвалидов с чемоданом, распухшим от подержанных книг (я подозревал, что некоторые из них – бесценные сокровища), я уже увидел столько достопримечательностей, что чувствовал лишь небольшую вину за то, что не забрал свой бесплатный подарок из Галери Лафайет.

Одно из самых важных открытий пришло ко мне слишком поздно, чтобы им можно было воспользоваться. В самолете по пути домой в Бирмингем один американец затеял со мной диалог, который, как он, вероятно, надеялся, перерастет в беседу. Он спросил, видел ли я то, что называется Латинским кварталом. Я ответил, что не видел (хотя позднее я понял, что видел его). «Тогда, – сказал он, – вам придется вернуться! Если вы не видели Латинский квартал, вы не видели Париж!»

На следующий год я вернулся с суммой денег, достаточной для двухнедельного пребывания, полный решимости найти работу, что мне и удалось спустя три недели, и тогда я остался в Париже на шесть месяцев. Позже я узнал Париж достаточно хорошо, чтобы понять, что никогда на самом деле не узнаю его. Тяжелые ворота, закрывающие внутренний двор, казались характерной чертой Парижа. У меня появились в Париже друзья, большинство из которых не родились в нем, но с гордостью считали себя парижанами. Они показали мне места, которые без них я так и не смог найти. Все они вели общий для парижан образ жизни: стояли в транспортных пробках (это была форма безделья), парковались не по правилам, защищая свою личную свободу, пожирали глазами товары в витринах, словно улицы были музеем. Они научили меня премудростям разговора с официантами и умению с галантностью разглядывать прекрасных незнакомок. Учась, я читал романы и рассказы и пытался соотнести полученную информацию с видимыми фактами. Я научился отличать одну революцию от другой. Со временем я уже мог объяснить надпись на колонне на площади Бастилии и даже понять некоторые политические граффити. Но в этих специально полученных знаниях всегда было что-то нелепое и несовместимое. Это был багаж человека, путешествующего по истории. Я прочитал все семь тысяч статей в «Историческом словаре улиц Парижа» Жака Иллере и рассмотрел все фотографии, но на улицах Парижа самый ярко освещенный памятник по-прежнему был многоуровневым лабиринтом. Даже когда мое знание французского языка улучшилось настолько, что я мог подслушивать чужие разговоры, толпы людей на бульварах и лица в окнах напоминали мне о том, что изменяющаяся столица с населением в несколько миллионов человек никогда не может быть понята отдельным человеком.

Следующие далее приключения были написаны как история Парижа, рассказанная разными людьми. Книга начинается на заре Великой французской революции и заканчивается несколькими месяцами тому назад. Присутствуют в ней также экскурсии в средневековое и доисторическое прошлое. Прослеживается развитие города от острова на Сене, который был пристанищем для племени паризиев, до растущих как грибы пригородов, которые внушают в настоящее время больший страх, чем в те времена, когда в них бродили разбойники и волки.

Замысел состоял в том, чтобы создать нечто вроде миниатюрной «человеческой комедии» Парижа, в которой история города освещалась бы реальными событиями из жизни его

обитателей. Каждый рассказ правдив, каждый представляет собой завершённое целое, но бывает и так, что они перекликаются и пересекаются, что служит вехами во времени и пространстве. Некоторые районы и здания заново появляются на различных этапах, увиденные глазами разных людей и видоизменённые благодаря событиям, навязчивым идеям, провидцам, архитекторам и течению времени.

До конца XVIII в. не было абсолютно точной карты Парижа и немногие его жители уходили далеко от своего квартала. Даже в наше время открытие для себя Парижа или какого-либо другого большого города влечёт за собой некоторую дезориентацию и растерянность. Узор улиц, определённая топографическая структура, сочетание климата, запаха, строительного камня и людской суеты создаёт особое ощущение реальности. Каждый вид (образ, представление) города, каким бы личным или необычным он ни был, принадлежит его истории точно так же, как его общественные церемониалы и памятники.

Одна-единственная точка зрения превратила бы эти типичные приключения в написанное по сценарию путешествие. Средства и ракурсы повествования были естественным образом предложены местом, историческим моментом или персонажем. Каждый рассказ был написан с учётом временного отрезка; он требовал своих собственных объяснений и накладывал на прошлое свои собственные формы этикета. Описания архитектурных изменений в Париже, развитие его полиции и управления, инфраструктуры и жилого фонда, развлечений и революций присутствуют в них, главным образом, потому, что они служат целям рассказа. Ничто не было вставлено в рассказы искусственно, и никто – за исключением барона Османа, Адольфа Гитлера и некоторых президентов республики – не рассуждает о развитии городской канализации или транспортной сети.

Лишь позже турист, который следует по неведомому пути, как ходу мыслей, разобравшись в головоломке улиц на карте, узнаёт, как много знаний может присоединиться к случайному опыту. Я попытался смоделировать мнемонический эффект долгой прогулки, поездки на автобусе или приключений отдельного человека, чтобы создать ряд контекстов, к которым можно приложить более подробную информацию. Почти каждый историк, занимающийся историей Парижа, отмечает невозможность дать полный рассказ об этом городе, и я совершенно уверен, что показал эту невозможность даже с ещё большей очевидностью. Эта книга не предназначена заменить собой аналитическую историю Парижа, некоторые великолепные образцы которой в настоящее время находятся в печати. Но она не так далека от традиционной истории, как могло бы показаться на первый взгляд. Она потребовала проведения стольких же исследований, сколько и «Открытие Франции» – книга, которая была посвящена другим 85 процентам населения; цель не состояла в том, чтобы отнестись к историческим фактам, полученным с большим трудом, как к бесформенной массе глины для лепки. Прежде всего, книга была написана ради удовольствия думать о Париже, и я надеюсь, что и читать ее будут с этой же целью. За время чтения этой книги можно будет расшифровать надпись на каждом могильном камне на кладбище Пер-Лашез, посидеть на террасе каждого кафе между площадью Этуаль и площадью Сорбонны, проехать из конца в конец по дюжине различных автобусных маршрутов или изучить каждый камень от набережной Турнель до набережной Малаке.

Ночь в Пале-Ролле

Каждую среду в семь часов утра летом и в восемь часов утра зимой речной пароходик отправлялся из города Оксер в путь длиной двести километров до Парижа. Особенно зимой это был самый безопасный и удобный путь из Бургундии и с юга. Чтобы проплыть по рекам Ивонн и Сена до Парижа, требовалось всего три дня, и кораблик останавливался среди шпилей и куполов в сердце старого города. Большое плоскодонное судно, покрашенное зеленой краской и поделенное на каюты с иллюминаторами и просторное помещение со скамейками, вмещало до четырехсот пассажиров-людей и столько же животных, предназначенных для продажи на рынках, расположенных вдоль реки, или для обеденных столов в городе. На борту был камбуз, где готовили супы и рагу для тех, кто приехал без достаточных запасов провианта, а по обеим сторонам находились две уборные для тех, кто слишком много почестей воздавал виноградникам, расположенным по берегам реки.

Богатые путешественники, которые уже преодолели по суше бесчисленное количество лиг (мера длины, приблизительно равная трем милям; одна сухопутная миля – 1609 м. – *Пер.*), признавали это путешествие приятным приключением, как только привыкали к компании солдат, странствующих торговцев, бродячих музыкантов, монахов и крестьян и армии кормилиц, которые оставили своих младенцев дома и отправились в столицу продавать свое грудное молоко. Поэт, который совершил такое путешествие за несколько лет до начала этой истории, представлял себя на борту одного из кораблей, груженных тварями всех видов, предназначенных для заселения какой-нибудь недавно открытой заморской территории. Пассажиры, нашедшие себе тихое удобное место в этом Ноевом ковчеге за свернутыми в кольца канатами и грудами багажа, наблюдали за ландшафтом, который, казалось, проплывал мимо неподвижного судна как раскрашенные декорации. В те долгие часы безделья и медленного движения вперед в живом смещении представителей социальных слоев некоторые пассажиры ощущали внезапный прилив сил. Мужчины, которые жаждали увидеть достопримечательности Парижа и испытать репутацию парижских женщин, часто оказывались во власти чувств задолго до того, как в их поле зрения попадали башни собора Парижской Богоматери.

Среди пассажиров, которые поднялись на борт судна, отправлявшегося из Оксера утром 7 ноября 1787 г., был молодой лейтенант-артиллерист, недавно назначенный на должность в Баланс (административный центр департамента Дром. – *Пер.*). Ему было восемнадцать лет, и он не боялся ничего, кроме неловкой ситуации. Ему немного не хватало роста для его высоких кожаных сапог, но он был достаточно горяч, чтобы требовать немедленного удовлетворения

от любого человека, который осмеливался назвать его в лицо Котом в сапогах. Инспектор его военного училища в Бриенне (город в департаменте Об. – *Пер.*) дал ему характеристику близкую к восхищению: «Честный и вдумчивый; поведения самого правильного; всегда отличался в математике; обладает прекрасным знанием истории и географии; недостаточно общителен; станет отличным моряком».

Будучи заядлым читателем Жан-Жака Руссо, молодой человек не оставался глух к красотам речного путешествия, но он был слишком озабочен честью своего мундира, чтобы вступать в пустые разговоры, которые помогали скоротать поездку некоторым из пассажиров. Когда его отправили в полк, расквартированный в Балансе, он один из группы молодых офицеров не воспользовался ночью в Лионе, чтобы посетить бордель. В любом случае, хоть ему и не терпелось открыть для себя Париж, его мысли были заняты более серьезными вещами.

Он только что возвратился домой в первый раз после того, как восемь лет назад уехал учиться в училище. Его отец умер, потратив несколько лет жизни и часть семейного состояния на судебные тяжбы со своими собственными родственниками. Когда молодой человек увидел вновь свой дом, он не почувствовал печали в связи со смертью отца, но когда он обнаружил, что его мать занимается домашним хозяйством, это унижение было для него как пощечина. Его семья имела законные и давние права на благородное происхождение, но правительство Франции обращалось с ее членами так, будто они были неграмотными крестьянами. Им была дана субсидия на посадку тутовых деревьев и организацию шелкового производства в их отсталом районе, но теперь, когда они уже вложили свои деньги в это дело, неизвестный служащий Короны отозвал субсидию. Так как старший брат безуспешно занимался юридической стороной этого вопроса, лейтенанту было предоставлено право вести переговоры с парижскими властями.

Путешествие по дорогам, на которых уже были видны признаки ранней зимы, от берегов Средиземного моря было долгим. Только теперь, когда он подчинился неспешному движению по реке, он начал думать о городе, который ждал его впереди.

Он уже видел Париж однажды, будучи курсантом, когда ему было пятнадцать лет; тогда он приехал туда вместе с тремя своими одноклассниками и монахом из школы в Бриенне. У них было время лишь на то, чтобы купить роман на набережной и прочитать молитву в церкви Сен-Жермен-де-Пре, прежде чем их отправили в Королевскую военную школу, учась в которой за двенадцать месяцев он не увидел в городе ничего, кроме парадного плаца на Марсовом поле. Но, разумеется, он слышал о Париже и его великолепии от членов своей семьи и коллег-офицеров. Он уже читал о его памятниках и сокровищах в исторических и географических справочниках; он изучил его оборонительные сооружения и ресурсы, как иностранный полководец, планирующий вторжение.

Он вспомнил все, о чем читал, и полуправдивые рассказы своих товарищей, когда в его поле зрения появились города-спутники Парижа – Витри и Шуази-ле-Руа, а равнина Берси начала расширяться в северном направлении. Он стоял на передней палубе, глядя вперед, как капитан корабля, молчаливый и серьезный, среди поросят и кур в корзинах и играющих у его ног детей. Он почувствовал, как судно подхватило течение зеленых вод реки Марны при ее впадении в Сену у Алфорта, и коричневая река стала широким и величественным водным путем. Отсюда были издали видны первые шпили Парижа, а глубокие воды еще не загрязнились канализационными стоками и фабриками. По реке плыли длинные плоты из сплавляемого леса, которыми управляли люди дикого вида в плащах из волчьих шкур, и судна, которые везли пассажиров и булыжник из Фонтенбло. На берегах стали появляться прачки. Молодой человек увидел обсаженную деревьями дорогу, по которой ехали экипажи, и длинные деревянные сараи, из которых подкатывали бочки с вином из Бургундии и центра Франции к ожидавшим повозкам.

На этот раз он знал, что видит город, который вырос, как тысяча деревень, задушенных привилегиями и мелкой конкуренцией. Вместо того шаткого причала должен был бы быть надлежащий порт, который мог соперничать с Лондонским портом. Властям следовало бы построить огромные зернохранилища и склады, которые снабжали бы людей продовольствием в трудные времена. Город, который едва умел поддерживать жизнь в своем населении, не имел права сравнивать себя с древним Римом, а еще меньше – пренебрежительно относиться к провинциалам.

Теперь по обоим берегам тянулись низенькие дома. Пароходик вошел в канал к югу от необитаемого острова Лувьер, заваленного грудami дров, словно галльские леса только недавно были расчищены. За ним были видны высокие дома острова Сен-Луи, а позади них из речного тумана и дыма, поднимавшегося из труб, высилась укрепленная контрфорсами масса собора Парижской Богоматери, подобно корме огромного корабля.

Лейтенант сошел на берег с другими пассажирами на набережной Турнель и указал на свой чемодан носильщику из гостиницы, в которой он собирался остановиться. Затем, предварительно изучив карту и пройдя по маршруту по памяти, он перешел по мосту Понт-о-Дубль и вступил в средневековый лабиринт острова Сите. Заблудившись среди тупиков, он нашел другой берег реки и направил свои стопы через людные улицы к востоку от Лувра. Он пересек улицу Сент-Оноре – главную магистраль, протянувшуюся с востока на запад по правому берегу реки, и свернул на улицу Фур в том месте, где сильное речное зловоние сменили овощные запахи рынка Ле-Аль.

На улице Фур располагались отели с меблированными комнатами, постояльцами которых были преимущественно мужчины, приехавшие заключать сделки на центральных рынках. Лейтенант отправился в отель «Шербур», находившийся рядом с кафе «Ша-ки-пелот». В гостиничном журнале регистрации постояльцев (который уже давно исчез) значилось, что он остановился в комнате номер 9 на третьем этаже и написал свое имя на родном итальянском языке, а не на французском, как стал делать позднее.

Когда его чемодан был доставлен, он заселился и в этом городе, насчитывавшем шестьсот тысяч человек, стал наслаждаться одиночеством. В доме, где он снимал квартиру в Балансе, люди устраивали ему засады, когда он покидал свою комнату каждое утро и когда возвращался вечером; они крали его время и рассеивали его мысли вежливыми разговорами. Теперь он получил возможность свободно думать и проводить исследования, сравнивать свои собственные впечатления с книгами, которые он прочитал, и решать для себя, заслуживает ли Париж своей высокой репутации.

Даже без письменного отчета, который составляет основу этого рассказа – краткого, неполного описания приключения, произошедшего за одну ночь, – было бы легко угадать главный объект, который возбуждал любопытство лейтенанта. В те времена было лишь одно место, которое хотел увидеть каждый приезжий в Париже; и любому путешественнику, который опубликовал рассказ о своей поездке и не упомянул его или сделал вид, что обошел его, как гнездо разврата, нельзя доверять. Говорили, что улицы в его окрестностях – самые оживленные в Европе. По сравнению с ним другие достопримечательности Парижа – Лувр и Тюильри, собор Парижской Богоматери и Сент-Шапель, Бастилия, Дом инвалидов, великолепные площади и сады, мануфактура гобеленов – были почти безлюдны.

В 1781 г. герцог Шартрский, ищущий удовольствий либеральный двоюродный брат короля, который испытывал хронический недостаток наличных денег, начал превращать территорию своей королевской резиденции в удивительный базар, на котором процветала экономическая и эротическая деятельность. Вдоль одного из пассажей были возведены деревянные галереи, образовавшие великолепный дворик. Они выглядели как железнодорожный вокзал (если бы он существовал), вживленный во дворец. Лавочники, шарлатаны и артисты заняли эти

галереи еще до того, как их постройка была закончена в 1784 г., и почти мгновенно Пале-Рояль превратился в волшебный город в городе, который никогда не закрывал своих ворот. Если верить Луи-Себастьяну Мерсьеру, «узник мог жить там не испытывая скуки и начинал мечтать о свободе лишь спустя несколько лет». Это место полушутя называли «столицей Парижа».

Ни один человек, который видел Пале-Рояль в 1787 г., не мог сомневаться в прогрессе промышленности и преимуществах современной цивилизации. Там были театры и кукольные шоу и каждую ночь в садах запускали фейерверки. Галереи и пассажи вмещали свыше двухсот магазинов. Не пройдя и нескольких сотен футов, человек, которого не заботила цена или честность лавочников, мог купить барометр, резиновый плащ, рисунок на оконном стекле, экземпляр самой последней запрещенной книги, игрушку, чтобы порадовать самого деспотичного ребенка, коробку румян для его учительницы и какую-нибудь вещь из фланели для жены. Он мог рыться в горах лент, маркизета, помпончиков и атласных цветов. В медленно движущейся толпе он мог оказаться прижатым к незнакомой привлекательной женщине, голые плечи которой сияли при свете ламп, и отправиться дальше спустя мгновение – уже с совершенно пустыми карманами. Если человек был достаточно богат, он мог проиграть свои деньги в игорном доме на первом этаже, заложить свои золотые часы и пиджак с вышивкой на втором и утешиться с одной из женщин, которые проживали в съемных комнатах на третьем.

Там имелись рестораны, достойные императоров, прилавки с экзотическими фруктами, привезенными из пригородов Парижа; а торговцы вином продавали редкие ликеры, доставленные из несуществующих колоний. Все, что делало человека красивым, можно было купить по сказочной цене: лосьоны и притирания, которые отбеливали лицо, убирали морщины или выявляли голубые вены на груди. Немощный старый шевалье мог выйти из Пале-Рояля, превратившись в подмигивающего Адониса с сияющими зубами, стеклянным глазом любого цвета, с черным фальшивым локоном под напудренным париком и молодыми икроножными мышцами в шелковых чулках. Некрасивая девушка, желавшая найти мужа, могла сделать себя желанной, по крайней мере до свадебной ночи, заполучив фальшивые плечи, бедра, ложбинку между грудями, ресницы, брови и веки.

Там были необычные бутики, где одежда игроков и распутников была выставлена в плохо освещенных стеклянных секциях, чтобы на ней не были видны пятна; ее продавали клеркам и мастерам. Имелись и общественные уборные, где за пятнадцать сантимов посетитель мог потереться газеткой. Пале-Рояль мог угодить любому вкусу, и говорили, что он создавал стили, которые не существовали раньше. Путеводитель, который был издан вскоре после приезда лейтенанта, рекомендовал мадам Лаперьер, проживавшей «над булочной», которая специализировалась на «стариках и хлыстах», мадам Бонди, поставившую иностранок и очень юных девушек (набранных из самых уважаемых монастырей), и модный магазин мадемуазель Андре, «хотя не стоит проводить там ночь, потому что мадемуазель Андре применяет принцип «ночью все кошки серы».

Несмотря на резко отрицательное отношение к этому месту, где каждый мог паяльничать на любого человека, и несмотря на отвращение к толпе, лейтенант, по-видимому, уже делал какие-то предварительные набегі на дворцовые сады – возможно, это было утром, когда одетые в лохмотья женщины копались в кустах и водостоках в поисках уроненных монеток и безделушек, или в полдень, когда люди сверяли свои часы по пушечному выстрелу, который производился при помощи солнечных лучей, прошедших через мощную линзу. Во время одной из таких разведывательных вылазок он посетил любимую кофейню Жан-Жака Руссо – «Кафе де ля Режанс», расположенное на площади перед дворцом, где за мраморными столами в огромном зеркальном зале с канделябрами сидели игроки в шахматы. В Балансе он пользовался репутацией шахматиста. В «Кафе де ля Режанс» он проводил свои пешки через всю доску, блестяще вводил в дело коней, явно равнодушный к своим потерям, и всегда приходил в ярость, получив мат.

Отель «Шербур» находился через пять улиц от Пале-Рояля на улице Сент-Оноре. По пути в гостиницу из Министерства финансов, где лейтенант проводил каждый день по многу часов в вестибюле, чтобы узнать ответ на прошение, посланное его семьей, он часто проходил мимо железного ограждения, тянувшегося вдоль галерей. В конце концов он начал исследовать эти галереи (всегда в конце дня после наступления темноты), чтобы удовлетворить свое любопытство и заполнить пробелы в своих знаниях, хотя он ощущал, что этому месту уделяют слишком много внимания и обычно к нему приближаются в таком состоянии души, которое делает невозможным извлечь пользу из этого опыта. В конце концов, Пале-Рояль был тем местом, где человек с философским складом ума и здравым смыслом мог сделать некоторые ценные наблюдения. Как он написал приблизительно год спустя в очерке о счастье, посланном на конкурс, устроенный Лионской академией, «глаза Разума хранят нас от бездны Страсти». В Пале-Рояле он получил возможность своими глазами увидеть иллюзорные холостяцкие радости и опасные последствия современного неуважения к семейной жизни. Человек мог пойти в Пале-Рояль, чтобы увидеть дикарей из Гваделупы или «прекрасную Зулиму», умершую двести лет назад, но изящное тело которой превосходно сохранилось; он мог также увидеть тех цивилизованных чудовищ, которые превратили естественное стремление к здоровью, счастью и самосохранению в грубый поиск животного удовлетворения.

К ночи, о которой идет речь, лейтенант уже провел в Париже почти две недели вдали от своей семьи и товарищей. Он не продвинулся вперед в решении вопроса о субсидии на посадку тутовых рощ, хотя он получил несколько полезных идей на тему административной реформы. Он почувствовал необходимость развлечься. Он прошел мимо Пале-Рояля и Королевской библиотеки к обсаженным деревьями бульварам и театру, где актеры Театра итальянской комедии исполняли свои комические оперы. «Итальянцы» были популярны у любителей легкой музыки и юмористических намеков, а также у джентльменов, ищущих спутниц на одну ночь, которые ценили удобную возможность искать дам, уже ранжированных по цене – от дорогих балконов до дешевых амфитеатров.

В тот вечер в программе была оперетта на историческую тему под названием «Берта и Пепин». Сюжет должен был всколыхнуть воображение честолюбивого молодого офицера. Поступками поразительной храбрости миниатюрный Пепин ле Бреф производил впечатление на солдат, которые дали ему прозвище Коротышка. Он был настолько искусен в политике, что его сделали королем франков, и папа в Сен-Дени возложил на него корону. Заключив своего брата в монастырь, король Пепин покорил готов, саксов и арабов и победным маршем перешел через Альпы в Италию. Скорее Пепин, нежели его сын Карл Великий, был первым правителем европейской империи.

В основе оперетты лежала любовная интрига, имевшая место в жизни Пепина. Неосторожно женившись на властной женщине, притворившейся Бертой из Ла-она, Пепин случайно встречает настоящую Берту в лесу неподалеку от города Ле-Ман. Большеногая Берта (так ее называли из-за ее изуродованной стопы) поклялась никогда не открывать свое истинное лицо, за исключением случая, когда необходимо сохранить девственность. Угрожая лишить ее невинности, Пепин узнает, что она его настоящая королева, и парочка возвращается с триумфом в Париж. Главное, что интересовало публику, озабоченную главным образом сексом, было преследование хромоногой девушки коротышкой королем, воспламенившим к ней страстью.

К концу спектакля молодой лейтенант находился в состоянии волнения, которое легко можно было себе представить. Вечер еще не закончился, и все люди вокруг него возбужденно разговаривали о предстоящей ночи. У него не было желания оказаться в веселой компании, и все же мысль об ужине в одиночку в отеле «Шербур» была невыносима. Он вышел из театра и поплотнее закутался в свою шинель, так как по бульвару дул зимний ветер. Вокруг спешили люди и экипажи, словно день только начался. Побуждаемый внезапным решением, он напра-

вился по улице Ришелье к галереям и пассажам, где каждую ночь в свете тысячи ламп разыгрывались драмы.

Приблизительно через час он возвратился в свою комнату под номером 9 в отеле «Шербур». На этот раз он был не один. Когда его гость ушел, он сел за стол, чтобы записать свои наблюдения в большой тетради. Он так и не закончил рассказ, но в дальнейшем продолжал вести свою тетрадь, наверное, в том числе и потому, что ей он доверил событие, имевшее такое большое значение в его юной жизни.

Спустя годы, когда его жизни угрожала опасность, он положил эту тетрадь в картонную коробку, обернутую серой бумагой, и распорядился отправить ее своему дяде на хранение. По счастью, рукопись сохранилась. Столько людей посещали Пале-Рояль, и столь немногие оставили более или менее честные рассказы о том, что они там делали, что ценность рукописи как исторического документа сильно перевешивает ее биографическое значение.

«Четверг, 22 ноября 1787 г. Париж, отель «Шербур».

Я вышел из итальянской оперы и отправился гулять по улицам Пале-Рояля. Взмолнованный сильными чувствами, характерными для моей души, я не ощущал холода. Но когда мое воображение остыло, я почувствовал зимнюю погоду и нашел себе укрытие от нее в галереях.

Я стоял на пороге перед железными воротами, когда мой взгляд упал на существо женского пола. По времени суток, покрою ее одежды и ее чрезвычайной молодости я без колебаний заключил, что она проститутка.

Я посмотрел на нее, и она остановилась, но не с тем воинственным видом, какой бывает у других; выражение ее лица абсолютно соответствовало ее внешнему виду. Я был поражен этим совпадением стиля и поведения. Ее робость придала мне смелости, и я заговорил с ней – я, который чувствовал острее других мужчин низость ее профессии и который всегда считал себя запятнанным одним лишь взглядом одной из подобных особ... Но ее бледность, хрупкое телосложение и мягкий голос заставили меня действовать без промедления. Я сказал себе, что либо эта женщина будет мне полезна в наблюдениях, которые я хочу сделать, либо она просто дура.

– Вы, должно быть, очень замерзли, – сказал я. – Как вы можете заставлять себя гулять по этим улицам в такую погоду?

– О, месье, надежда подгоняет меня. Я должна закончить свою вечернюю работу.

Бесстрастная манера, с которой она произнесла эти слова, и ее спокойствие при ответе на мой вопрос вызвали у меня симпатию, и я пошел рядом с ней.

– На вид вы такая хрупкая, – заметил я, – и я удивлен, что вас не тяготит это занятие.

– Но, месье, нужно же чем-то заниматься!

– Может быть, и так, но разве нет занятия, более подходящего для вашего здоровья?

– Нет, месье, нужно зарабатывать на жизнь.

Я был рад, что она, по крайней мере, отвечала на мои вопросы. Ни одна из моих предыдущих попыток не имела такого успеха.

– Чтобы так мужественно переносить холод, как вы, нужно быть родом из северных краев.

– Я родом из Нанта в Бретани.

– Я знаю эти места... Вы должны оказать мне любезность, мадемуазель, и рассказать о том, как вы потеряли девственность.

– Один офицер отнял ее у меня.

– Это вызывает вашу злость? – спросил я.

– О да, в этом вы можете быть уверены.

Когда она произносила эти слова, ее голос приобрел очарование и силу, которые я раньше не замечал.

– Будьте уверены в этом, месье. Моя сестра сейчас хорошо устроена; нет причин, чтобы и со мной не произошло то же самое.

– Как вы попали в Париж?

– Офицер, который опозорил меня и которого я ненавижу всем своим сердцем, бросил меня. Я была вынуждена бежать от гнева моей матери. Появился другой мужчина. Он привез меня в Париж, где покинул меня. Его преемником стал третий, с которым я прожила эти три года. И хотя он француз, служебные дела позвали его в Лондон, где он и находится сейчас... Давайте пойдем к вам.

– Но что мы там будем делать?

– Пойдемте, месье, мы согреемся, а вы получите удовольствие.

Меня не мучили угрызения совести. Я так спровоцировал ее, что она не убежала, когда я сделал ей предложение, которое собирался сделать; моей целью было выдумать честные намерения, которые, как я хотел доказать ей, я не вынашивал...»

В этом месте лейтенант отложил перо в сторону. Без сомнения, остальная часть вечернего приключения едва ли подходила прозаическому стилю, которому он научился в сентиментальных романах. И наверное, по мере того, как он писал и запутывался в своих фразах, он понял, что в своей пьесе главное действующее лицо – не он и в этой тяжелой профессии кроется больше, чем он предполагал.

Наблюдатель был замечен и просчитан задолго до того, как он сделал первый шаг. Она уже видела молодого человека в толпе в его синем мундире, стеснительного и гордого, не столь изящного, каким бы ему хотелось быть, и явно не парижанина. Свое целомудрие он нес, как рекламный щит. Такой мужчина оценил бы робкую юную проститутку, обладающую чувством собственного достоинства в своем затруднительном положении и готовую поддержать разговор на улице. Ему была нужна женщина опытная в искусстве любви, которая дала бы ему почувствовать, что это он ведущий в танце и учит ее всему.

Лейтенант переменял неловкое положение на стуле. В Пале-Рояле действительно надо было еще многому научиться. Своими действиями он показал больше, чем словами, что он получил пользу от уроков: слишком много времени ушло на совершенствование тактики и подготовку почвы. Он превратил потерю своего целомудрия в кампанию, тогда как на нее ушло всего несколько франков и пять минут времени.

* * *

Он остался в отеле «Шербур» еще на несколько недель. В каком-то смысле это была бесполезная поездка. Ему не удалось добиться субсидии на посадку тутовых рощ, что казалось ему предсказуемым исходом в городе лавочников и развратников. Он написал несколько писем и первый абзац по истории Корсики: «И хотя я едва достиг возраста (здесь в рукописи пробел), я испытываю воодушевление, которое более зрелое изучение людей часто вырывает из сердца». Несомненно, он лучше узнал достопримечательности Парижа, но больше никаких записей о своих наблюдениях он не оставил. Если бы он вернулся в итальянскую оперу в декабре, то увидел бы «Испытание любви, или Женщина-невидимка», а не «Английского пленника», премьеры которого состоялась через два дня после того, как он поднялся на борт корабля, отплывавшего в Монтеро в канун Рождества. Возможно, он также возвращался в Пале-Рояль, но толпа людей была такой плотной, а очаровательная девушка из Бретани редко испытывала недостаток в клиентах. Маловероятно, что он еще хоть раз видел свою первую любовницу.

Сама женщина известна нам только по рассказу лейтенанта. Даже такое небольшое количество подробностей необычно. Официальная статистика показывает, что из двенадцати тысяч семисот парижских проституток, знавших место своего рождения, пятьдесят три приехали из

той части Бретани, что и она. Но к цифрам не прилагаются никакие имена, кроме обычных прозвищ – Жасмин, Абрикос, Змея, Инженю и т. д. Нет ничего, что подтвердило бы ее рассказ о том, как она была опозорена и брошена. Возможно, ее спутник – если таковой существовал – возвратился из Лондона и спас ее из Пале-Рояля. Или, быть может, подобно жене бальзаковского полковника Шабера, ее подобрали в галереях, усадили в экипаж и поместили в первую-классную гостиницу. Два года спустя после приезда молодого лейтенанта, когда Пале-Рояль стал центром революционной деятельности, она, возможно, присоединилась к своим «сестрам по оружию» на историческом митинге у фонтана, когда «юные леди из Пале-Рояля» поклялись обнародовать свои обиды и потребовать справедливого вознаграждения за свои патриотические труды:

«Союзники изо всех уголков Франции, собравшиеся в Париже, не имеющие причин жаловаться на нас, сохраняют приятные воспоминания о том, на что мы шли, чтобы оказать им радушный прием».

Ее положение было лучше, чем положение других проституток в других частях города, и могло помочь ей пережить эти тяжелые годы. Когда Франсуа-Рене де Шатобриан вернулся из ссылки в Англию в 1800 г. и проехал по разоренным землям мимо безмолвных церквей и чернеющих фигур в заброшенных полях, он был поражен, обнаружив, что в Пале-Рояле по-прежнему звучит веселье. Маленький горбун стоял на столе, играл на скрипке и пел гимн генералу Бонапарту, молодому первому консулу Французской республики.

Своими достоинствами и обаянием
Он заслужил быть их отцом!

Если на момент встречи с лейтенантом ей было восемнадцать, то тогда она бы приближалась к концу своей профессиональной карьеры. (Большинство парижских проституток были в возрасте от восемнадцати до тридцати двух лет.) После революции жизнь стала тяжелее. Всякий раз, когда генерал Бонапарт посещал Театр Франсе и оставлял свою карету у Пале-Рояля, солдат посылали «чистить» бордели, чтобы первый консул не подвергся приставаниям, которые привели бы его в замешательство. Еще позже, когда молодой лейтенант уже завоевал пол-Европы, женился на австрийской принцессе и сделал свою мать самой богатой вдовой Франции, проституток из Пале-Рояля стали штрафовать, сажать в тюрьму, подвергать медицинским осмотрам или отправлять с позором в их родные провинции.

Но даже Наполеон Бонапарт имел маленькое влияние на «столицу Парижа». Если верить одному английскому путешественнику, Пале-Рояль остался «водоворотом разгульной жизни, затянувшим в себя многих молодых людей». Его слава распространилась по всей империи и за ее пределами. В глубине России казаки говорили о нем как о легендарном месте, и, когда армии с востока пересекли границы рушащейся империи, офицеры вдохновляли своих солдат рассказами о Пале-Рояле, утверждая, что, не увидев этого дворца распутства и не вкусив его радостей, ни один человек не может называть себя мужчиной или считать свое образование законченным.

Человек, который спас Париж

1

Хотя это произошло в городе, каждая извилистая улочка и закрытое ставнями окно которого могли рассказать свою историю, можно было ожидать, что цепочка катастрофических событий, начавшихся 17 декабря 1774 г., оставит долго не стирающийся след в истории Парижа. На протяжении нескольких лет они угрожали затмить все войны, революции, эпидемии чумы и случаи массовой резни, которые когда-либо омрачали двадцать квадратных километров, расположенных между Монмартром и улицей Монтань-Сент-Женевьев. И все же прошло почти двести лет с того момента, когда историк хотя бы упомянул о них. Возможно, это окажется уроком: так много людей предпочли жить в городе, который поэты обычно называли адом, потому что он предлагал бесценный дар забвения. Бесконечная парижская суэта унесла с собой все, подобно дождю, который смыл отбросы ста тысяч домов в Сену.

Первый признак чего-то нехорошего появился в субботу днем, за неделю до Рождества 1774 г. Главные таможенные ворота на южной окраине города были, как обычно, запружены транспортом. Париж наполнял свои рынки и магазины для предстоящего праздника, и даже в конце года путешественники вынуждены были долго ждать, прежде чем им удавалось войти в этот ад и начать окончательный спуск к шпилям, скрытым за завесой дыма.

Таможенники взимали плату за все, что попадало в город. Каждое транспортное средство, пассажир и предмет багажа должны были быть обысканы с целью «не пропустить любую вещь, запрещенную указом короля». Торговцы вразнос и молочницы, усталые пешие крестьяне, тянущие ручные тележки, груженные зимними овощами, обляпанные грязью пассажиры из направляющегося на север дилижанса – все они были вынуждены ждать в общей очереди.

Некоторые из них сидели в саду близлежащей мельницы и пили не облагаемое акцизом вино; другие стояли у заграждения и обменивались новостями и сплетнями. В тот день собралась группа людей, чтобы наблюдать за разгрузкой винных бочек с телеги. Колесный мастер нагревал кузнечный горн, чтобы починить сломанную ось. Возчик, который выехал из Орлеана еще до зари, попал в большую яму на дороге на последнем отрезке пути до Парижа. В любом другом месте во Франции выбоина на дороге – даже такая глубокая, что в ней могла бы утонуть лошадь, – осталась бы незамеченной, но эта яма появилась внезапно на большой дороге, ведущей на юг, в Орлеан. В далекие времена, когда Париж был небольшим городом,

расположенным на острове посреди реки Сены и застроенным хижинами, по дороге курсировали быстроходные колесницы галлов, и, двигаясь по этой же великолепной улице, легионы Лабиена (Тит Лабиен – древнеримский полководец, легат Юлия Цезаря во время Галльской войны. – *Пер.*) нанесли сокрушительное поражение армиям племени паризиев в 52 г. до н. э. Теперь, в 1774 г., это был самый оживленный отрезок дороги в королевстве. Иногда, когда движение не задерживалось домашним скотом, более десяти транспортных средств проходили через таможенную заставу за час.

Огромное значение для всех очевидцев события имело то, что эту часть дороги называли улицей Денфер, Адовой улицей (Rue d'Enfer). Никто не знает, как эта улица получила свое злое название. Возможно, изначально это было галльское слово, означающее «ярмарка», или оставшееся в языке словесное обозначение чего-то сделанного из железа – быть может, ворот, которые отмечали границу города. Многие говорили, что эта улица известна как Адова, потому что в этом квартале раздавалось много криков и ругани, но другие замечали, что тогда такое название должны были бы носить почти все улицы Парижа. Третьи, веря в то, что названия говорят о будущем и прошлом, связывали его с древним пророчеством, которое гласило, что однажды все храмы, таверны, монастыри и еретические школы Латинского квартала поглотит бездна преисподней. Однако образованные люди предпочитали более научное происхождение названия:

«Этимологи утверждают, что во времена римлян улица Сен-Жак называлась Via Superior («верхняя дорога»), тогда как эта улица, располагаясь ниже, носила название Via Inferior или Infera. Путем искажения и сокращения название превратилось в Enfer»¹.

Около трех часов дня толпящиеся у таможенного шлагбаума люди увидели зрелище, которое могло бы решить вопрос раз и навсегда: крыши зданий Парижа слегка изменили угол наклона по отношению к горизонту. Мгновением позже раздался звук, будто делает вдох и потягивается великан. Скот, который проходил через ворота, охватила паника, и животные стали пятиться к шлагбауму. Все увидели бегущего мужчину, на голову которого был натянут капюшон. Позади него на дороге вздымалось облако, а дома, расположенные за улицей Денфер, внезапно стали видны. Вдоль восточной стороны самой улицы Денфер, протянувшись к центру Парижа, как оказалось потом, на четверть мили, разверзлась трещина и поглотила все дома.

Как и ожидалось, расщелина была названа «вратами ада», и ввиду случившегося только самый педантичный этимолог мог бы сомневаться в поистине сатанинском происхождении названия этой улицы.

¹ Урто, Магни. Исторический словарь улиц Парижа и его окрестностей. Париж, 1779– Это своеобразное объяснение уже не считается достоверным, и происхождение названия улицы в настоящее время официально «неясное».

2

Спустя чуть более двух лет после случая на улице Денфер по улице Гренель через предместья Сен-Жермен двигался, колыхаясь, портшез с роскошной обивкой. Ночью выпал небольшой дождь и превратил песчаные улицы в грязь. Новый инспектор каменоломен спешил на свою первую условленную встречу. Он глядел в окошко заляпанного грязью паланкина, вспоминая дни, когда он ходил по аристократическому предместью пешком. Он изучал эти великолепные фасады, останавливаясь, чтобы зарисовать фриз или круглое окно, поражаясь, как архитектор сумел изогнуть конюшни и служебные помещения в ромбовидную фигуру и создать двор, достаточно широкий для того, чтобы любой гость оробел, прежде чем доберется до парадного входа. Он делал наброски карнизов и портиков, на которые брызгала вода, льющаяся из пастей медных дельфинов, под высокомерными взглядами привратников, одетых по-королевски.

Для Шарля-Акселя Гийомо, взгляды которого нам известны по его многочисленным памфлетам и характер которого является в некоторых отношениях ключом к последующим событиям, Париж всегда был городом закрытых дверей. Его гербом – а это был корабль с девизом, позаимствованным у старинной корпорации лодочников Сены: *Fluctuat nec mergitur* («Зыблем, но не потопим») – вполне могли быть ворота вместо корабля: прочная преграда из дуба и железа с девизом из «Ада» Данте: «Оставь надежду, всяк сюда входящий!»

Когда он был молодым архитектором в Риме, его не раз с улицы затаскивал к себе какой-нибудь аристократ, который хотел показать профессиональному взгляду художника сокровища, которые скрывались за осыпающимся фасадом. В Париже человека, который просил разрешения войти, чтобы рассмотреть шедевры домашней архитектуры, но у которого не было необходимого – титула и пары белых манжет, – надменный слуга с благословения своего хозяина без разговоров прогонял. Иногда он видел смешную маску из румян и свинцовых белил, насмешливо улыбающуюся из верхнего окна.

Италия доказала свое превосходство, объявив художественные конкурсы для всех народов Европы и наградив его, Шарля-Акселя Гийомо, призом Рима в области архитектуры, когда ему было всего двадцать лет. Хотя его родители были французами, случайное рождение в Стокгольме, где его отец торговал, лишили его права на любую стипендию, которую могли получать французы. Он был вынужден пробивать себе дорогу из безвестности лишь с помощью таланта и решительности. Его иностранное происхождение, по крайней мере, оградило его от нелепой заносчивости, которая заставляла французов полагать, что собор, который нужно было подпереть, как разваливающийся сарай, не уступает греческому храму. Не было простым совпадением то, что его архитектурные изыскания лучше всех оценил человек, который был вынужден жить в изгнании. «Ваши наблюдения доставляют такое же удовольствие, сколь они поучительны, – написал ему Вольтер в письме. – Мне по-прежнему интересен Париж, как могут быть интересны старые друзья, которых любишь со всеми их недостатками, – город с кривыми улочками, рынками посреди дороги, домами и даже фонтанами без воды! Утешительно знать, что монашеские ордена имеют необходимую для них территорию. Без сомнения, все наладится в течение следующих пяти-шести веков. А тем временем я желаю вам успеха, которого заслуживает ваш огромный талант».

Портшез обогнул зеленые от тины стены церкви Сен-Сюльпис и стал подниматься вверх по улице Турнон к Люксембургскому дворцу. Это не было частью Парижа, в которую он лично сделал заметный вклад, и он мог почувствовать негодование при виде явных дефектов некоторых памятников. На этой поздней ступени его карьеры работой, принесшей ему самую большую выгоду, было ухаживание за мадемуазель Ле Блан, чье бесспорное очарование заключалось в том, что она была дочерью главного архитектора города. Даже будучи зятем господина

Ле Блана, Гийомо изо всех сил старался сделать себе имя. Он уже построил несколько роскошных загородных домов в провинциях и аббатство на развалинах монастыря в Везелее, но в Париже он был известен главным образом как архитектор казарм. Его талант поддерживать вычурную работу других людей принес ему немалые, но бесславные заказы.

Он женился на мадемуазель Ле Блан шестнадцать лет назад. Теперь, когда ему было хорошо за сорок, это был высокий мужчина с каменным лицом и головой, которую легко можно было назвать черепом. Он носил парик, сильно сдвинув его назад, наверное, для того, чтобы продемонстрировать в полной мере свой высокий лоб. Эффект был несколько отталкивающим, но при определенном освещении можно было увидеть намеки на робость и угрюмость, навевающие мысли о глубоких и частых раздумьях и даже определенном благородстве духа, которое нуждалось только в признании, чтобы расцвести. Его душевные волнения были скрыты слишком глубоко, чтобы их можно было разглядеть, и он редко выражал их, за исключением изданных в печатном виде. У него имелись две дочери, несколько протеже и могущественные связи, и он не видел необходимости иметь друзей в профессиональной сфере.

Даже в этот день, открывавший новый этап в его жизни, Шарль-Аксель Гийомо был больше задумчив, чем взволнован. Он был полностью готов к тому, что его планам будут мешать недалекие люди и скромные бюджеты. «Несчастлив творец, – написал он, – так как даже еще до того, как его идея достигнет совершенства, она искажается невежеством и завистью». Он уже набросал план разгромного памфлета «О вреде, причиняемом архитектуре невежественными и чрезмерными нападениями на расходы на строительство общественных памятников» и испытывал не только воодушевление при мысли о должности, которую собирался принять. Дурным знаком было то, что портшез поставили на землю в конце улицы Вожирар. Что-то впереди мешало движению. Король назначил его на должность 4 апреля. Благодаря невероятной медлительности министерства сейчас было уже 24 апреля, и ему явно было суждено опоздать на свою первую встречу.

Его цель состояла в том, чтобы исследовать место обрушения, которое произошло в 1774 г., и оценить надежность работ, выполненных одним из королевских архитекторов месье Дюпоном. На следующий день после открывшихся «врат ада» на улице Денфер Дюпон лично спустился в расщелину на глубину двадцати пяти метров. При свете факела он увидел коридор, протянувшийся на север вдоль улицы по направлению к Сене. Оказалось, что это древняя каменоломня, вырытая горняками, которые ничего не знали об искусстве ведения земляных работ. В нескольких местах коридор перегораживали обвалы, которые образуются, когда свод подземного коридора проваливается. По мере насыпания камней в сводчатое пространство образуется конус из булыжников, который поднимается вверх. Округлую верхушку груды камней, известной как *cloche*², обычно можно увидеть только тогда, когда карстовую воронку пробивают и когда любое строение, выглядевшее прочным, внезапно исчезает с поверхности земли.

Стены из булыжника укрепляли каменщики, которые висели на длинных канатах. Только один человек упал вниз, но, проведя три часа в темноте, в течение которых он воображал себе то, что в принципе не могло существовать, он был поднят наверх с помощью лебедки и через несколько дней поправился. Улица была вновь открыта для проезда транспорта через поразительно короткое время, и Дюпон получил поздравления с быстро сделанной и эффективной работой. Новый «Словарь города Парижа» посвятил ему специальный раздел, используя слова, которые кому-то могли показаться неумеренными:

«Такие люди, как господин Дени [они имели в виду Дюпона], являются драгоценным даром для общества. На своем примере он доказал, что неустранимость при защите граждан

² Колокол (фр.).

– прерогатива не только военных и что другие люди тоже готовы ступить в провал, чтобы сохранить жизнь своих соотечественников».

Там, где кончалась улица Вожирар, площадь, в которую вливалась протянувшаяся от Сены улица Ла-Арп, была заполнена экипажами. Улица Денфер была перекрыта полицией, и даже портшез не смог бы проникнуть за кордон. Шарль-Аксель вылез из портшеза и стал протискиваться сквозь толпу. В месте слияния улиц Сен-Гиацинт и Денфер он показал жандарму копию королевского указа. В нем говорилось, что «господин Гийомо» должен «посетить и провести разведку в каменоломнях, вырытых в городе Париже и прилегающих районах, чтобы составить заключение о масштабах вмешательства и проведения раскопок, которые могут нанести вред прочности фундаментов зданий». Жандарм убедился, что у господина имеется соответствующий мандат – он был одет в вышитый сюртук и источал приятный цветочный запах, – и провел его за ограждение.

Несколько человек собрались на восточной стороне улицы, как раз напротив монастыря Фойан-дез-Анж-Жардьен. Любому человеку, обладай он опытом Гийомо, не нужно было спрашивать, что произошло. В воздухе висел слабый запах, который он сразу же узнал: словно впервые за много веков открылась дверь погреба. Стены вдоль улицы, казалось, были целы, но на другой стороне от ворот просевшие фасады из крепких стеновых блоков были безошибочным признаком. Он вошел во двор и увидел аккуратную карстовую воронку диаметром около шести метров. Подойдя к ее краю, он стал всматриваться вниз. Он оценил глубину провала – пять метров. Сам провал мог протянуться еще на двадцать – двадцать пять метров.

И только когда он увидел инженеров, с которыми договорился встретиться на месте более раннего провала, его поразило значение новой карстовой воронки. Она появилась по крайней мере на километр ближе к центру Парижа, чем провал, появившийся в 1774 г. Это был не какой-то щебневый район, застроенный лачугами и ветрыными мельницами, у таможенного шлагбаума; это был сам Париж с его памятниками и шпилями. Оттуда, где стоял, он мог увидеть купол церкви Валь-де-Грас, башни полудюжины церквей и дальше вниз по улице, на границе старой Римской дороги – купол Сорбонны и башни собора Парижской Богоматери.

Возможность провала улицы Денфер под землю была поразительна сама по себе, не говоря уже о том, что геологические породы под улицей дождались, так сказать, того самого дня, когда он занял должность инспектора каменоломен. Суеверный человек мог бы вообразить, что эти проволоочки со стороны министерства были подстроены какой-то неизвестной силой, а постепенное развитие трещины и провал каждого последующего пласта были приурочены к тому, чтобы вызвать катастрофу 24 апреля 1777 г. Но Шарль-Аксель Гийомо прожил в Париже достаточно долго, чтобы знать, что совпадения случаются каждый день. Источник его волнения был скрыт внутри, в памяти о тех долгих годах, когда его талант задышался в заточении. Он стоял на краю дыры и, видя быстро падающие в темноту камни, размышлял о зияющей ране в основании города, подобно исследователю, пристально вглядывающемуся в берега нового материка.

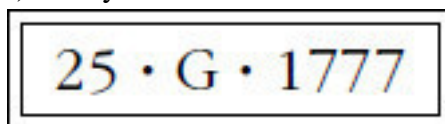
3

Несколько дней длились предварительные исследования каменоломни под улицей Денфер-Гийомо не удивился, когда один из горнорабочих сказал ему о загадочных следах. В одной из сводчатых пещер ровный слой вековой пыли был нарушен, как будто на ней оставил свой след длинный хвост. Рабочий, который носил на шее саше с раздавленным чесноком и камфарой (у горняков проверенное средство защиты от ядовитого газа), рассказал Гийомо о фигуре с неясными очертаниями, которую он видел убегавшей по тоннелю. За собой она оставила «странный запах». Другие горнорабочие впоследствии говорили, что эта фигура «зеленого цвета» и «очень быстрая», из чего был сделан вывод, что это существо могло видеть в темноте.

Даже случившееся не так давно событие всегда, кажется, можно связать с древней легендой. И хотя о подземном существе уже сообщали раньше, стали говорить, что всякий, кто видел «зеленого человека», непременно умрет или потеряет родственника в течение года. Дядя одного из горнорабочих умер спустя месяц после начала работ, так что эта легенда, очевидно, была правдивой...

На первом этапе укрепления грунта он разделил своих рабочих на три команды. Команда «раскопщиков», состоявшая из рабочих-мигрантов, должна была расчистить коридоры от булыжников. Затем команда «каменщиков» начала бы укреплять своды столбами, используя камень, извлеченный раскопщиками. Смотровые колодцы с улицы были проложены через регулярные интервалы, вызывая закрытие дорог и всеобщее негодование. И наконец, «картографическая» команда должна будет составить карту подземного лабиринта в масштабе 1:216 – это означало, что карта заброшенной каменоломни должна была быть более подробной, чем когда-либо сделанная любая карта улиц Парижа.

Самыми серьезными препятствиями были многочисленные груды осыпавшихся камней. Удаление одной из таких возвышающихся груд булыжников было рискованным делом, и поэтому каменщики, следуя архитектурным планам, предоставленным природой и усовершенствованным господином Гийомо, превращали каждую такую груду в красивый закрученный конус каменной кладки, который, возможно, был скопирован с какого-нибудь необычного, перевернутого вверх ногами собора. Менее выдающийся архитектор заполнил бы пустоту камнями и песком; Гийомо создавал просторные своды и портики. Грубо вырубленные тоннели были украшены песчаником и облагорожены стенами, облицованными известняком. На гладких поверхностях, которые могли бы стать украшением залитого дневным светом проспекта, были вырезаны выпуклые рамы и вставлены надписи – нарисованные или выгравированные, – которые указывали место в последовательности проводимых работ, имя архитектора работ (буква «Г» означала «Гийомо») и дату:

До конца 1777 г. и на протяжении следующего года Шарль-Аксель Гийомо приводил в соответствие свои тоннели и улицы над ними. Он прорыл одинаковые коридоры под фасадами домов по обеим сторонам улицы, предоставив укрепление зданий их владельцам. (Это было отчасти потому, что хозяин дома по закону владел землей под своим домом: он мог, если хотел, попытаться выкопать подвальный этаж до самой преисподней.) Но зеркальное отражение улиц и создание подземного образа города давало также определенное удовлетворение. Названия улиц были выгравированы на каменных плитах; цветок лилия указывал на близость монастыря или церкви. Только в нескольких удаленных кварталах были пронумерованы дома (для рас-

квартировки войск), так что Гийомо разработал свою собственную систему нумерации и применял ее столь последовательно, что в том не населенном людьми мире, где на каждой стене значился инициал G, любой человек мог найти дорогу легче, чем в перенаселенном лабиринте наверху.

Впервые со студенческих лет в Риме он обнаружил у себя состояние близкое к удовлетворению. Раньше он боялся, что должность инспектора каменоломен окажется чуть значительнее должности прославленного каменщика, но по мере продвижения работы он видел вокруг себя неразрушимые свидетельства своего собственного таланта. Находясь в двадцати пяти метрах под Латинским кварталом, он познал тихую радость человека, который посвящает себя душой и телом одной-единственной страсти.

Ввиду обвинений, которые вскоре были выдвинуты против него, следует также отметить, что он был верным другом любого человека, каким бы скромным ни было его происхождение, разделявшего его страсть. Дважды в день горнорабочим позволялось подышать воздухом и ощутить солнечное тепло. Один из горнорабочих, старый солдат, предпочел проводить свободные часы под землей, вырезая точную копию форта Маон, во взятии которого он участвовал в 1756 г. Однажды, когда он работал с долотом над своей моделью, рухнуло перекрытие. Гийомо приказал в память о нем возвести памятник:

«Здесь, после тридцати лет яростных битв, встретил свой конец этот храбрый ветеран; он умер, как и жил, служа королю и своей Родине».

Одному поэту было поручено написать хвалебную речь работам по укреплению грунта. Так как работа была далека от завершения, можно было сказать, что инспектор каменоломен искушает судьбу. Все же темой панегирика был не сам архитектор, а благотворное искусство, творцом которого он был:

Без этого искусства, великая сила которого несет его вес,
Огромная столица и все ее каменные дворцы,
Заставляющие свой древний фундамент скрипеть и стонать,
Исчезли бы в недрах земли, откуда они и возникли.

Вероятно, невежество и зависть неизбежно должны были попытаться разрушить его работу. Дюпон, работы по укреплению грунта которого оказались недостаточными, попытался поднять среди горнорабочих бунт, сказав им, что им недоплачивают. В отзывающихся эхом коридорах Министерства финансов он нашептывал, что Гийомо проматывает общественные деньги, тратя миллионы ливров на ненужные шедевры, тогда как они могли бы быть потрачены на улучшение санитарных условий, дороги и национальную оборону.

Гийомо обращал на эти нехорошие слухи меньше внимания, чем, возможно, следовало бы. Но они достигли его ушей точно в тот момент, когда до его сознания дошла ужасная правда, по сравнению с которой махинации его соперника были просто паучьей паутиной в бездонной пропасти.

4

Когда отдельные части подземной карты были составлены вместе, Шарль-Аксель увидел прошлое города, развернувшееся перед ним как галерея художественных полотен. Галлы и римляне добывали камень для своих построек из открытых каменоломен рядом с Сеной. В конце концов они стали копать в холмах, расположенных к северу и югу, следуя древнему руслу реки. По мере того как город разрастался за пределы острова по обоим берегам, каменоломни становились глубже, и Париж начал уничтожать свой собственный фундамент – брать песок для производства стекла и плавки металлов, гипс для штукатурки, известняк для стен, зеленую глину для кирпичей и изразцов. Огромные колеса когда-то разлиновали улицу Сен-Жак: лошадь, которая проходила по кругу пять километров, могла с помощью лебедки поднять на поверхность шеститонный блок известняка. Часть самого лучшего строительного камня, который пошел на возведение собора Парижской Богоматери, Пале-Рояля и особняков в квартале Маре, была взята из-под улицы Денфер. Горнорабочие добыли там столько камня, насколько им хватило смелости, оставив его в достаточном количестве для того, чтобы поддерживать кровлю выработки. Спустя годы другие горняки обнаружили выработанные каменоломни и стали копать глубже до пластов, залегающих ниже. Основание каждой выработки тогда становилось кровлей для последующей выработки, так что теперь, вместо того чтобы найти прочный камень под полом тоннеля, Гийомо неожиданно столкнулся с обширными пустотами, поддерживаемыми лишь несколькими качающимися кучами камней.

Находясь глубоко под поверхностью земли, он мог услышать грохот экипажей наверху. Наверное, в такой момент он осознал весь ужас ситуации: огромный вес всех улиц и домов на левом берегу Сены не держался ни на чем, кроме тонких столбов известняка.

Непоправимое разрушение половины Парижа было бы катастрофой, соперничающей с великим Лиссабонским землетрясением (произошло в 9.20 утра 1 ноября 1755 г. – *Пер.*). Но была и другая угроза – личного характера. Во время долгих часов, проведенных под землей, его понимание своей задачи изменилось. Теперь его собственные архитектурные чудеса поддерживали город. Они тоже будут уничтожены, если те слабые подпорки не выдержат.

В таких обстоятельствах его можно было извинить за то, что он отмахивался от препятствий, чинимых на его пути завистливым Дюпоном.

Будучи человеком, который мог спасти Париж, Гийомо имел возможность призвать на помощь полицейских и шпионов. Некоторые горняки и вдовы горняков, которые поддались на уговоры и обратились с прошением к королю повысить заработную плату, были отправлены в тюрьму. Сам Дюпон оказался под надзором. Был проведен обыск в его доме, а ему пригрозили ссылкой в дальнюю провинцию. Ему предложили обдумать, насколько неприятна перспектива «быть оставленным гнить в подземной тюрьме Бастилии». Когда он почувствовал, что земля уходит у него из-под ног, он подписал документ, который был, по словам Гийомо, «написан его собственной рукой, без принуждения и в своем собственном доме»; в нем он объявлял о своем немедленном уходе в отставку и признавал, что Шарль-Аксель Гийомо – человек безупречной честности.

* * *

На протяжении следующих десяти лет даже в самых глубоких и опасных коридорах горняки иногда видели высокую фигуру господина Гийомо, обходящую безмолвные улицы своего подземного царства; его лицо было бледно, словно покрытое свинцовыми белилами. Никто не подвергал сомнению его решения и не пытался сократить финансовую смету. Каждая линия, которую он проводил на листах бумаги, превращалась в прочную реальность. В то время как

непокорные королевские министры ворчали на продолжающиеся расходы Версаля, Гийомо, не привлекая общего внимания, строил самый большой архитектурный ансамбль в Европе. Если бы все эти коридоры можно было соединить в один, он достиг бы Центрального Французского массива, находящегося на расстоянии трехсот километров. Для составления карты подземного мира было привлечено больше картографов, чем те, которые работали над картой всего королевства под руководством Кассини. Когда он обнаружил часть римского акведука длиной в полтора километра, который питал водой бани на улице Ла-Арп, он перестроил и усовершенствовал его, соединив с отремонтированным акведуком Медичи, который шел к Люксембургскому дворцу и Пале-Роялю. Он украсил его карнизами прекрасной формы и создал во тьме проспект для триумфального течения в город пресной воды.

Находясь вдали от дневного света, Гийомо достиг такого состояния профессиональной исполнительности, при котором само понятие счастья стало неуместным. Его понимание прошлого Парижа теперь выходило за рамки той информации, которую можно было найти в книгах. Он собрал коллекцию забавных каменных зверушек и несколько загадочных образований, которые он принял за окаменелые фрукты. Он не сомневался в том, что там, где он ходил, когда-то был океан. Один из горнорабочих, моряк из Бретани, утверждал, что узнал остатки корабля в пласте спрессованного ила. Наверное, более двух тысяч лет назад сильное наводнение принесло с собой глыбы порфира и гранита с юга. Люди, которые жили там задолго до галлов, должно быть, видели, как их поселение было уничтожено невообразимой катастрофой.

Он увидел собственными глазами, как мало осталось от города, который римляне называли Лютецией (древнее поселение паризиев на месте современного Парижа. – *Пер.*), – разрушенный акведук, несколько кирпичных стен и фонтанов, немного монет и разбитые бюсты. Он знал, что его собственное творение переживет город. Когда века превратят Лувр и Тюильри в пыль, труды Шарля-Акселя Гийомо будут единственным свидетельством того, что Париж когда-то был велик.

Его подземному королевству не хватало населения.

Однажды жители расположенной на другом берегу реки улицы Де-ла-Ленжери обнаружили в своих погребах разлагающиеся трупы. Кладбище Невинных появилось в IX в. за пределами города. Им пользовались в течение девяти столетий. По мере его заполнения землю медленно распирало, и наконец одна из сохранившихся стен не выдержала.

Гийомо сразу же порекомендовал перевезти все останки девяти столетней давности в склеп, который он предложил установить в укрепленных каменоломнях. План был принят. Вдобавок было решено, что все другие трупы, загрязняющие окружающую среду города, тоже будут перенесены в это же место.

За шлагбаумом таможни на улице Денфер находилась улица под названием Ла-Томб-Исуар. Своим зловещим названием она была обязана древней надгробной плите, которую местные жители считали могилой сарацинского великана по имени Исуар, который угрожал Парижу во времена Крестовых походов. Под этой улицей Гийомо подготовил место площадью двенадцать тысяч квадратных метров со входом с улицы Денфер. В память о Риме он назвал этот склеп Катакомбами.

Самое масштабное перемещение умерших парижан началось в 1786 г. Больше года жителям нескольких кварталов не давали спать горящие факелы, поющие священники и повозки, с которых иногда падали на землю части человеческих тел вдоль всего их маршрута. Этот процесс длился пятнадцать месяцев, в течение которых была представлена вся история Парижа. Там были монахини с монастырских кладбищ и прокаженные, которые когда-то были захоронены за пределами городских стен. Жертв Варфоломеевской ночи сваливали в одну кучу вместе с католиками, которые их убивали. Некоторые из самых древних костей были привезены с незарегистрированных кладбищ. Это были останки мужчин и женщин, которые умерли

прежде, чем святой Дионисий крестил город в III в. Говорили, что количество скелетов, совершивших переезд в Ла-Томб-Исуар, было в десять раз больше, чем живое население Парижа.

Гийомо ждал прибытия миллионов тел умерших, прежде чем закончить свой шедевр. В Монруже (южный пригород Парижа. – *Пер.*), за пределами улицы Денфер, скелеты свалили в одну яму. Болтающаяся цепь разбрасывала кости при их падении и не давала им загромоздить шахту. На дне их расставляли в колонны и ряды. Там были стены из больших берцовых и бедренных костей, декоративные фризы из черепов и «другие декоративные композиции в соответствии с характером указанного места». Архитектурное великолепие некрополя было таково, что ужас перед смертью заглушался множеством скелетов.

Через несколько лет после этого великого переселения умерших революция превратила Париж в ад на земле, и Катакомбы приняли безымянные кости аристократов, которые погибли в этом колоссальном перевороте. Сам Гийомо провел какое-то время в тюремной камере, став жертвой клеветы недовольных рабочих и своей тесной связи с бывшим режимом. Но его не покидала радость оттого, что он знал: его достижения будут жить вечно. Он был освобожден из тюрьмы в 1794 г. и, продолжая оставаться на посту инспектора каменоломен, занял пост директора фабрики по производству гобеленов, на котором трудился до самой смерти в 1807 г. Половина его взрослой жизни была посвящена спасению Парижа.

Он был похоронен на кладбище Святой Кателины на востоке города между улицей Гобеленов и улицей Денфер, но когда в 1883 г. стали производить раскопки на оставшихся кладбищах Парижа, надгробный камень с могилы Гийомо исчез. Его кости были собраны вместе со всеми другими, отнесены в склеп, который он построил, и вставлены в стены. Сейчас где-то там, в этом огромном храме кальция и фосфата, Шарль-Аксель Гийомо по-прежнему не дает Парижу исчезнуть в пустоте.

5

Человек, который спас Париж, умер двести лет назад. Почти столько же лет о нем не упоминалось ни в одной истории Парижа. Люди, которые разрушили или вызвали разрушение больших частей города, увековечены в названиях улиц и статуях, но нет мемориалов, посвященных работе Шарля-Акселя Гийомо. Боковая улочка рядом с Лионским вокзалом носит имя Гийомо, но она была так названа в честь местного землевладельца и никак не связана с Шарлем-Акселем.

Он мог бы оценить это как неблагодарность или как молчаливое признание того, что долг невозможно возвернуть. Но, возможно, город Париж просто не хочет напоминать своим жителям и гостям о том, что лежит у них под ногами.

Часть улицы Денфер (Rue d'Enfer), провалившаяся в 1777 г. в первый рабочий день Гийомо в новой должности, в 1859 г. была включена в новый бульвар Сен-Мишель. В 1879 г. оставшуюся часть улицы переименовали в Денфер-Рошро (Rue Denfert-Rochereau) в честь полковника, который защищал Бельфор от пруссаков. Комиссия по присвоению названий понимала, что железнодорожный терминал должен носить менее зловещее название, чем «Париж – Денфер» (Enfer – Преисподняя в переводе с франц. – *Пер.*). Или игра слов d'Enfer/Denfert была попыткой спрятать следы старой Адовой улицы, не отказывая полностью дьяволу в его доле.

Когда в 1879 г. улица Денфер была переименована, ни у кого не было причин бояться повторения тех inferнальных бедствий. Появление трещин, которые повредили три дома в тот год, неподалеку от места провала грунта в 1774 г. было отнесено на счет железнодорожных составов, которые с грохотом въезжали и выезжали из терминала Денфер. Далее на улице – по направлению к центру Парижа – геологи и минерологи продемонстрировали свою уверенность в подземных укреплениях грунта, перенеся Горный институт на край Люксембургского сада – напротив места провала 1777 г.

Однажды в апреле 1879 г. в шесть часов вечера лекторы и студенты, выходявшие из института, с удивлением увидели цирюльника, который жил на другой стороне бульвара, сидящим в своей столовой на виду у прохожих. Он держал нож и вилку, глядя на еду, лежащую на тарелке, которая стояла на вершине груды обвалившихся камней, завершившей свой долгий путь из глубин наверх. Фасады домов под номерами 77, 79 и 81 по бульвару Сен-Мишель отделились от остальной постройки и исчезли. На этот раз горожане были более склонны сваливать это несчастье на Департамент дорог и мостов, нежели на дьявола.

Такие инциденты в настоящее время сравнительно редки. Общественные улицы и любое здание, которое принадлежит городу Парижу, могут не страшиться провалиться вниз. Каждый год появляется всего лишь около десяти карстовых воронок. Большая их часть совсем маленькие, и в результате погибли только несколько человек. С дырами большего размера поступают в соответствии с современными технологиями, и людей, которых затронули происшествия подобного рода, переселяют в другие дома за счет города. Обширная полость, которая появилась под Северным вокзалом в 1975 г., была вскоре заполнена двумя тысячами пятьюстами кубометров цемента. Считается, что практически весь Париж, кроме Монмартра и некоторых кварталов к востоку от площади Денфер-Рошро, в настоящее время находится в безопасности.

Заблудившиеся

Вы не можете себе представить интриги, которые плетутся вокруг нас, и каждый день я делаю необычные открытия в своем собственном доме.

Мария-Антуанетта, письмо к Габриэль де Полиньяк, вторник 28 июля 1789 г.

Не так давно это место прекрасно служило ей в качестве временного жилья. Когда она посещала Оперу и спектакль заканчивался поздно, было благословением провести ночь в Париже и избежать долгой поездки домой по пыльной дороге. Теперь, когда она была вынуждена сделать его своим постоянным домом, его недостатки стали очевидны. Даже когда жильцы были выселены, а их квартиры подновлены, здесь возникало ощущение тесноты и чрезмерной усложненности. Она занимала первый этаж с антресолью с одной стороны здания; ее муж и дети находились этажом выше. Если бы все было иначе, то она и некоторые дамы могли бы радоваться тому, что живут в городе, но в эти дни она редко возвращалась домой после наступления темноты, и ей не доставляла удовольствия мысль о том, что ее муж, сидя на троне в комнате для занятий географией, смотрит в подзорную трубу на то, как ее экипаж въезжает во двор.

Она привыкла к неудобству: все ее дома были строительными площадками. Иногда она ловила себя на том, что завидует крестьянину, который за день может построить себе лачугу. Были комнаты, план которых она составила и которые она никогда не увидит, разве только в виде акварельных набросков и картонных моделей. После свадьбы ее первая спальня была усыпана конфетти из хлопьев штукатурки и золотой краски. Желая поскорее заселиться, она приказала покрасить потолок простой белой краской, но его высочество настоял на полном ремонте и чтобы картины с изображением толстых нимф были вставлены в позолоченную штукатурку. По мере того как она узнавала историю расходов и финансов семьи, этот режим бесконечной перестройки, по крайней мере, позволил ей навязать свой собственный вкус. Частично сады выглядели почти так, как она хотела. Старый лабиринт был выкорчеван и заменен английской рощей, в которой она почти могла представить себя дома. Но теперь, в новой резиденции, каждое «улучшение» было продиктовано обстоятельствами.

Плотники установили раздвижные двери за полками в некоторых шкафах. Секция из деревянных панелей за гобеленом скрывала другую потайную дверь, которая выходила на небольшую лестницу. Ложные двери, которые были добавлены с уже забытой целью, не давали

составить впечатление о доме в целом. Ее дом превратился в лабиринт. Чтобы добраться до двора, ей пришлось бы выйти из своих апартаментов с задней стороны, пройти по коридору мимо пустых комнат, а затем спуститься по еще одной лестнице. Ничто не было бы просто в таком месте, и она не испытывала огорчения оттого, что приходится оттуда уезжать.

Окна ее апартаментов выходили не на двор, а на сады и реку, расположенную левее. Когда с того направления дул ветер и швырял в оконное стекло дождь, она не видела ничего, кроме неясных аллей деревьев, вытянувшихся в направлении площади Людовика XV.

Днем в садах было более шумно, так как туда пускали солдат, слуг и бедно одетых людей. Ночью они были закрыты для публики и, очевидно, пусты, но раздавались звуки, к которым она недавно привыкла, – огромный и неясный звуковой фон, образованный далекими стенами и набережными, которые, казалось, ловили шепот города.

За оградой и линией деревьев, к которой относились так, будто терраса находится где-то на задворках деревни, парижане научились плавать в своей реке под деревянными навесами и участвовали в других малопонятных занятиях, включающих размахивание с криками длинными шестами. На дальнем берегу смотреть было не на что. Она знала от некоторых своих друзей и исповедника своего мужа, что людям оттуда открывалась более красивая перспектива (ее дом составлял часть вида), хотя им мешали звуки, доносившиеся с дровяных складов, портивших вид берега. Если бы груды дров загорелись, ее друзья оказались бы вынужденными бежать через комнаты слуг в паутину улиц позади величественных фасадов домов, стоящих на нынешней набережной Вольтера. Она знала, что некоторым из них в любом случае пришлось бы спастись бегством.

Будучи замысловатым на бумаге, план, очевидно, оказался бы простым в исполнении. Она сама организовала поездку до Шалона, но ее муж проявил живой интерес к мельчайшим деталям. После кошмарного бегства из Версаля мимо выставленных на пиках голов гвардейцев в напудренных париках это было утешительным хобби. Муж был человеком, который любил возиться с замысловатыми механизмами. Не раз его заставляли стоящим на коленях у дверей в различных частях здания и пытающимся открыть замок отмычкой. Его увлекала мысль о современном доме, набитом любопытными хитроумными изобретениями. Некому господину Гийомо, родственнику ее друга господина де Ферсена, было поручено спроектировать подземную крепость для нового дома, которая, как она предполагала, едва ли будет учитывать декоративную сторону вопроса.

Пока она сидела в своей гостиной и обсуждала, что должно быть положено в дорожный сундук (бриллианты, грелка, серебряный тазик и т. п.), король разговаривал с группой мужчин, которые собирались отправиться в большую экспедицию по Франции от побережья Ла-Манша до Средиземного моря. Их цель состояла в том, чтобы определить точную линию парижского меридиана, который проходил в нескольких метрах от того места, где она сидела, через площадь Пале-Рояль и лабиринт улочек между Тюильри и Лувром. Математическая точность должна была заставить их пройти через малонаселенные, нетронутые цивилизацией районы к югу от Луары, жители которых никогда не слышали о Париже. По окончании работы они получили бы возможность составить карты с беспрецедентной точностью, которые наряду с другими вещами завладели бы вниманием его высочества на несколько недель кряду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.